

графа, но и «жар души».⁷³ Так что считать оговоркой то, что Карамзин говорит здесь о «шотландских междоусобиях», событиях, по теории Юма, малоинтересных и необязательных в историческом повествовании, и об особом пристрастии к ним Юма, видимо, будет неверно.

В своей историографической концепции, наиболее полно выраженной в Предисловии к «Истории государства Российского», Карамзин не мог, конечно, избежать повторения всего комплекса представлений и образов предшествующей ему русской (и даже глубже — славянской)⁷⁴ историографии. Но принадлежали эти представления теперь иной логико-стилистической системе, ориентированной на гуманитарные ценности нового исторического витка, последовавшего за потрясениями французской революции и разочарованием в идеалах Просвещения.

По намеченным самим Карамзиным в тексте Предисловия ориентирам выявляется схема его отношения к идеям шотландского философа Д. Юма. Помимо прямых указаний на авторитет Юма, отголоски его философии и методологии истории обнаруживаются в суждениях Карамзина о значении истории, о ее этическом и эстетическом смыслах, о методе работы историка и форме исторического сочинения. В самой структуре текста Предисловия идеям Юма принадлежит важная конструктивная роль. Они являются своеобразной системой координат, относительно которых Карамзин строит свою собственную методологию национальной истории.

---

⁷³ Там же. С. 449.

⁷⁴ Робинсон А. Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963. С. 43 и др.